

Компаративистика и/или поэтика
Игоря Шайтанова

Елизавета Илларионова
Università degli Studi di Milano

Книга

Рецензируется книга Игоря Шайтанова
*Компаративистика и/или поэтика. Английские сюжеты
глазами исторической поэтики*. Москва: РГГУ, 2010.

Контакты

elizaveta.illarionova@gmail.com

В 2010-м году издательство Российского государственного гуманитарного университета выпустило книгу Игоря Шайтанова *Компаративистика и/или поэтика. Английские сюжеты глазами исторической поэтики*. Подзаголовок объединяет две глубоко различные – но одинаково близкие автору – темы, перечисляя их в обратном порядке. Вступительная глава трактует об «исторической поэтике» Александра Николаевича Веселовского: книге, которая, по мнению автора, лежит – или, точнее, по праву должна была бы лежать – в основе современной компаративистики в русской среде. Последующие главы являют собой практические примеры сравнительного анализа на основе английской поэзии разных периодов и ее русских переводов. Завершают книгу интервью Исайи Берлина (данное автору книги в марте 1994-го года) и несколько полемических статей, о которых будет сказано ниже. Многие из глав были уже изданы как отдельные статьи в журнале «Вопросы литературы».

О названии пишет сам автор во введении:

В заглавие книги вынесены два ключевых для нее понятия, однако основная проблема сосредоточена не в них, а в соединяющих их союзах *и/или*. Два союза предполагают три варианта возможных отношений между компаративистикой и поэтикой:

то ли они сосуществуют, дополняя друг друга;

то ли взаимоисключаются (или... или);

то ли представляют собой два варианта названия одного и того же – компаративистика, или (иначе говоря) поэтика (Шайтанов 9).

О кризисе компаративистики говорится давно, как и о кризисе поэтики в ее традиционном нормативном значении. Работа Шайтанова входит в число тех, что пытаются обновить эти две области знания изнутри, создавая новую компаративистику и новую поэтику. В этом он идет по следам Веселовского: «понятие “поэтика” с возможностями сравнительно-исторического подхода первым связал Александр Веселовский» (17), однако его работы не поймали того

значения, которого заслуживали. Только через столетие, в шестидесятые годы прошлого века, и уже не в России, а в Америке, стала ощущаться необходимость, чтобы «новая компаративистика» создавалась «в контакте с теорией культуры и поэтикой» (21).

На этот запрос и пытается ответить *Компаративистика и/или поэтика* Игоря Шайтанова, который признается: «моя книга могла бы носить более простое название – “Компаративная поэтика”». Но в таком случае «в этом мирном соседстве понятий была бы утрачена напряженность отношений между ними» (11). И все же это заглавие было бы оправданно, поскольку автор дает пример именно компаративной, сравнительной поэтики в главах, посвященных жанровой эволюции и истории идей в различных культурах и литературах.

Теоретический фундамент книги закладывает *Историческая поэтика* Веселовского – произведение, задуманное, но не реализованное критиком, из которого однако сохранились различные части, опубликованные отдельно в разное время (между 1894-м и 1913-м годом, когда автора уже не было в живых), другие неопубликованные главы, и общий план, восстановленный по рукописи В.М. Жирмунским еще в 1959-м году. Благодаря этому плану Игорь Шайтанов доказывает, что предположенная Веселовским книга вовсе не была погребена вместе с автором (согласно словам Б.М. Энгельгардта: «архитектор умер, подготовив материалы и заложив фундамент, и план его был похоронен вместе с ним» (Энгельгардт 13-14), а была им реализована, хоть и не в полном объеме: «в опубликованном виде» мы имеем «почти полностью введение и первые две (из четырех) части. Это половина книги “Историческая поэтика”, а никак не один лишь ее “фундамент”!» (Шайтанов 50). Кроме того, имеются черновые редакции статей для третьей главы книги (среди которых – объемистая статья о поэтике сюжетов) и подборка материалов к четвертой, которая дает понятие о ее предположенных тематических разделах.

Автор убежден, что, в то время как уровень незаконченности работы Веселовского часто преувеличивается критиками, значение ее для русского литературоведения незаслуженно преуменьшается: хотя бы только глава “Поэтика сюжетов” (написанная для третьей части *Исторической поэтики*) – это «ключевое произведение» «для русской компаративистики» (628). Проблема в том, что русские филологи, хоть и признают огромное значение его открытий, «сосредоточены не на том, что Веселовский сделал, а на том, что он не успел или сделал неверно» (35). Но так было не всегда: Владимир Яковлевич Пропп, например, «сохранил редкое в отношении Веселовского понимание и того, кому принадлежит первенство, и ощущение разности масштаба сделанного каждым из них» (39). Ведь «разделение мотива и сюжета» (Пропп 192) и собственно морфологический подход к анализу литературного произведения – открытия Веселовского. «Пропп взял у Веселовского название и идею своей знаменитой книги» (Шайтанов 40) о морфологии волшебной сказки. Но не только он, а и формалисты воспользовались открытиями ученого – однако «акцентировали свое расхождение с Веселовским, как будто боясь остаться незамеченными в его тени» (40). Александр Николаевич не принадлежал к формалистам, как не принадлежал ни к одной из существующих литературоведческих школ. «Он не вписывается в чужие парадигмы, потому что создал собственную, совершив тем самым научную революцию. [...] Он не отвечает за крайности того или иного направления мысли,

ибо достиг “высшего научного синтеза”» (41-42) – такими звучными словами Шайтанов описывает достижения Веселовского.

Можно надеяться, что это признание – слегка утрированное лишь для того, быть может, чтобы попытаться изменить распространенное отношение к Александру Веселовскому – даст новый толчок к изучению его работ не только специалистами по филологии текстов, которые восстанавливают по рукописям его тексты, но и компаративистами, и всеми интересующимися филологией в широком смысле этого слова. Пока же кажется, что Шайтанов мечтает продолжить и закончить изыскания Веселовского: как замечает сам автор, из *Исторической поэтики* «среди ненаписанного остались части, посвященные *истории идей* и *жанровой эволюции* [курсив автора – Е.И.]. Именно эти две темы представляют собой центральные исследовательские сюжеты в моей книге» (12).

В главе под названием “Пособие по бедности” Игорь Шайтанов выявляет многочисленные недостатки как в теоретических статьях, так и в обзорах и в компаративных эссе пособия по сравнительному литературоведению Московского государственного университета. По жесткому заключению ученого, «это пособие сделано людьми, совершенно не понимающими, что такое компаративистика, какие она обсуждает проблемы, какова она сегодня и даже – каковы ее традиции. Авторы не владеют основными жанрами компаративного исследования» (628). Детальному обсуждению недостатков этого издания отводится в книге целый десяток страниц. Но Игорь Шайтанов не только полемизирует с другими учеными-компаративистами: он дает им пример высококачественной работы. Этюды, составляющие разделы со второго по пятый, показывают, как можно и должно работать в этом нелегком критическом жанре. Он предполагает не только владение как минимум двумя языками и соответствующими литературными традициями, не только историко-филологические изыскания, но и обладание теоретическими знаниями в области компаративной лингвистики, эстетики и истории идей. Всем этим автор книги владеет безупречно в отношении выбранных авторов (в основном Шекспира, Пушкина, Поупа) и тем (поэтического открытия природы, описательного жанра, идеи всемирности в литературе).

Первый из этюдов, “Шекспировский жанр”, и особенно его раздел под названием “Жанровая судьба сонетного слова” являет собой прекрасный пример исследования жанровой эволюции. Хоть автор и не останавливается на природе и рождении сонета, а также на изменениях его формы в переходе из Италии в Англию, он иллюстрирует переводы сонетов Петрарки на английский и французский и первые проявления сонетной формы в Англии шестнадцатого века, вплоть до использования ее Шекспиром в прологе *Ромео и Джульетты* и в объяснении в любви Ромео. Употребление сонета Шекспиром меняет сам трагический жанр: «*сонетно-лирический герой*, ранее немыслимый, явился в трагедию, исходившую из *эпического* [курсивы автора – Е.И.] состояния мира, и самим фактом своего рождения предсказал неизбежность ее конца» (166).

Следует глава “Перевод как компаративная проблема”, посвященная русским переводам английских поэтов. Она начинается с лаконичного перечня литературы, посвященной переводу, и мыслей о нем писателей и философов, с особым упором на знаменитую статью Вальтера Бенямина *Задача переводчика*. Тема первой части главы – “Переводим ли Пушкин?”, но вопрос этот не получает прямого ответа. Рассматриваются переводы сонетов Шекспира, выполненные Маршакom и Пастернаком, а также другие примеры переводов с английского на русский язык.

Основная проблема перевода формулируется автором как выбор наилучшего пути между двумя крайностями: «два стиля, две поэтические установки, две опасности – Сцилла и Харибда, между которыми едва ли не всегда пребывает в сомнении (сознающий свою задачу) переводчик» (235). Две крайности эти – банальность, гладкость «переводческого языка», не соответствующего никакому реальному наречию,¹ – и, наоборот, излишняя разговорность и просторечье. Обе одинаково опасны. «Плохо оказаться на переводческом конвейере, но и сойти с него трудно так, чтобы не выпасть из поэтической речи, не быть подхваченным течением разговорного жаргона» (235). Автор не озвучивает решение проблемы, но подсказывает, что оно лежит в области компаративного взгляда на перевод, в смещении акцентов «с текста в его соответствии оригиналу на культурный контекст, с языка оригинала – на целевой язык» (236). За этим теоретическим вступлением следуют два этюда, анализирующие на практике результаты перевода английских стихотворений русскими поэтами и переводчиками: «Уравнение с двумя неизвестными», о переводах Джона Донна Иосифом Бродским, и «Поэты-кавалеры» в традиции английского стиха и русского перевода».

В последующих разделах – «История идеалов» и «Идея всемирности в меняющихся контекстах» – склоняется в разных вариантах тема отражения в поэзии чувства природы (Naturgefühl) от ранней эпохи Просвещения в Англии до Тютчева, Байрона и Гёте.

Несмотря на высокое качество отдельных этюдов (а может быть, как бы это ни казалось парадоксальным, именно из-за него), работа Игоря Шайтанова не соответствует в полной мере масштабу цели, заложенной во вступительной главе и в амбициозном заглавии. Главы книги остаются разрозненными этюдами о английской литературе и ее влиянии на русскую. Идея описания природы – от Naturgefühl до «цепи существ» – связывает только две из четырех глав, не составляя, таким образом, формообразующий принцип произведения. Подборка тем для этюдов произвольна и выхватывает отдельные явления в массе английской литературы между 16-м и 19-м веками.

Сама концепция «исторической поэтики» не выявляет своей методологической характеристики: не обнаруживается четкой и обязательной связи между теоретическим построением и практическими примерами сравнительного анализа. «История идей» воплощена лишь в двух из этюдов (глава четвертая, «История идеалов», которая впрочем мало соответствует внушительному названию, и глава пятая, «Идея всемирности в меняющихся контекстах»). Иными словами, вступительная глава, долженствующая создать теоретический фундамент для всей работы, не связана с последующими этюдами, отчего книга теряет в слаженности и не реализует ясно выраженной цели.

Интервью с Исайей Берлином представляется также не связанным с основными темами работы; сам Берлин интересовался «историей идей» и, по словам автора, для его мышления был типичен «языковой подход к идеям» (536), что частично мотивирует его присутствие в сборнике. Однако тема интервью – не литература вовсе, а «либеральная идея, звучащая по-русски» (538). Исайя Берлин определяет

1 См. Steiner: «this strangeness will produce the mass of ‘translationese’, the slipshod farrago of *franglais* or of teutonisms which make up the general run of commercial and pulp translation. Texts concocted of unexamined lexical transfers, of grammatical hybrids which belong neither to the source nor to the target language» (316).

либерализм сначала как «такое государство, где есть максимальная свобода для индивидуумов, совместимая с максимальной свободой для других индивидуумов, (курсив И.Ш. – Е.И.) и чтобы не было притеснения» (546), позже как «общество, умеющее между различными ответами на одни и те же вопросы находить неустойчивые компромиссы» (557); он утверждает, что либеральные идеи воплощались в России в некоторые исторические периоды, как например в 80-90-е годы XIX века. Тогда существовали интеллигенты, либералы «в полном западном смысле слова» (546), «культурные люди с моральной точкой зрения» (547). Эта тема очень важна для современной России, тем не менее она мало мотивирована в этом издании.

Последний раздел книги – полемический. В нем собраны пять текстов, направленных преимущественно против журнала НЛО (и в защиту журнала «Вопросы литературы», главным редактором которого является Игорь Шайтанов). Краткое вступление, «Наука о литературе в условиях утраты логоцентризма», о необходимости «переформулировать научную парадигму» (574) после постмодернистского кризиса, не разрушая старое, но и не отпавшая за готовыми ответами на Запад; ««Бытовая» история», против «нового историзма»; «Дело № 59», высмеивающее теоретические статьи соответствующего выпуска журнала НЛО; уже цитированное «Пособие по бедности», против современных университетских пособий по сравнительной литературе;² «Триада современной компаративистики», уточняющая значение таких терминов как «глобализация», «интертекст» и «диалог культур» против терминологической туманности многих последних исследований.

Vis polemica – отличительное качество Игоря Шайтанова. Корректность его не волнует. Он выражает то, что думает, и часто весьма нелицеприятно. Может существовать мнение, что для главного редактора толстого журнала неразумно выносить спор с журналом-конкурентом на страницы книги о компаративном стиле исследования, предполагающем некоторую толерантность и уважительное отношение к другому; но, безусловно, дурно выполненные работы заслуживают порицания.

В общем, *Компаративистика и/или поэтика*, хоть и страдает неслаженностью отдельных глав, без сомнения является очень полезной работой для любого, кто занимается и интересуется сравнительным литературоведением или наукой о переводе, или просто любит английскую поэзию. Компаративные эссе автора дают пример качественной и глубокой работы над текстами разных стилей и жанров. Даже полемические выпады не слишком портят книгу, придавая ей разнообразие и отчетливо выражая авторскую личность – факт довольно редкий и всегда приятный в специальной литературе, где слишком часто гладкие и корректные выражения скрывают от читателя характер автора его мнения.

---

2 Похоже, что критика учебных пособий является установленным жанром в современном литературоведении. См., например, статью Сергея Зенкина *Дидактический материал. Заметки о теории*. б, выпущенную в том самом «НЛО» в 2003-м году. Автор пишет не о компаративистике, а о литературной теории, но тон его, как и его заключения, близки к тону и заключениям Шайтанова (хочется надеется, что сравнение с представителем вражеского лагеря никого из них не обидит).

Библиография

- Зенкин, Сергей. “Дидактический материал. Заметки о теории. 6”. *НЛО* 63 (2003).
- Пропп, Владимир Я. *Русская сказка*. Москва: Лабиринт, 2000.
- Шайтанов, Игорь О. *Компаративистика и/или поэтика. Английские сюжеты глазами исторической поэтики*. Москва: РГГУ, 2010.
- Энгельгардт, Борис М. *Александр Николаевич Веселовский*. Петроград: Колос, 1924.
- Steiner, George. *After Babel. Aspects of language and translation*. New York – London: Oxford University Press, 1975.